

Пятница, 6 (19) Июля 1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Пятница, 6 (19) Июля 1901 г.

№ 182

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЛИСТОКЪ

№ 182

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНАЯ, СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕНСТЪ.

РЕДАКЦІЯ: Екатерининскій кан., 31.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

КОНТОРА: Екатерининскій кан., 31.

ТЕЛЕФОНЪ КОНТОРЫ
И РЕДАКЦІИ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ въ 1901 году:	На 12 мѣсц.	На 11 мѣсц.	На 10 мѣсц.	На 9 мѣсц.	На 8 мѣсц.	На 7 мѣсц.	На 6 мѣсц.	На 5 мѣсц.	На 4 мѣсц.	На 3 мѣсц.	На 2 мѣсц.	На 1 мѣсц.
Безъ доставки	7 руб. 50 к.	7 руб. — к.	6 руб. 50 к.	6 руб. — к.	5 руб. 50 к.	5 руб. — к.	4 руб. 30 к.	3 руб. 60 к.	2 руб. 90 к.	2 руб. 30 к.	1 руб. 50 к.	— руб. 90 к.
Съ доставкой въ С.-Петербургъ	9 . — .	8 . 50 .	8 . — .	7 . 50 .	7 . — .	6 . 40 .	5 . 50 .	4 . 60 .	3 . 70 .	2 . 60 .	1 . 90 .	1 . — .
Съ пересылкою въ другіе города	10 . — .	9 . 50 .	9 . — .	8 . 50 .	8 . — .	7 . — .	6 . — .	5 . — .	4 . — .	3 . 30 .	2 . 20 .	1 . 30 .
Съ пересылкою за границу	15 . — .	14 . — .	13 . — .	12 . — .	11 . — .	9 . 90 .	8 . 70 .	7 . 30 .	6 . 40 .	5 . 10 .	3 . 90 .	2 . 60 .

ГАЗЕТЫ
ПЕТЕРБУРГ. ЛИСТОКЪ
943.

ТЕЛЕФОНЪ редактора

ГАЗЕТЫ
„ПЕТЕРБУРГ. ЛИСТОКЪ“
937.

ОТЪ КОНТОРЫ: Для гг. служащихъ допускается разсрочная подписка чрезъ казначействъ при разносѣрной уплатѣ годовой подписной
каждый мѣсяцъ впередъ, разсроченные по соглашенію платятъ—городскіе при подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ Іюня 3 р. 50 к., иног-
дѣ при подпискѣ 6 р., въ концѣ Іюня 4 руб. Контора открыта съ 10 часовъ утра до 5 часовъ вечера

ОТЪ РЕДАКЦІИ: Статьи для помѣщенія въ газетѣ должны быть доставлены съ подписью и адресомъ автора и обозначеніемъ гонорара.
При неисполненіи перваго условія статьи напечатаны не будутъ, а втораго условія—онѣ считаются безплатными. Статьи, неудобныя къ печати
уничтожаются. Объясненія съ редакторомъ или съ однимъ изъ членовъ редакціи—ежедневно отъ 2 до 4 ч. послѣднихъ.

Постоянно страстирует Тургенев. То онъ Германи, то въ Парижъ, то въ Москвѣ, въ Петербургѣ, то въ Швейцаріи. Никдѣ не находитъ себѣ мѣста Гибъ Успен-а, пока психическая болѣзнь не прер-тъ навсегда его страсть къ передви-нію.

Перейдемъ къ здравствующимъ литерат-мъ.

Графъ Левъ Толстой совершаетъ „прогулки“ шкомъ въ нѣсколько сотъ верстъ. Вѣчно въ раздѣдѣ П. Воеводкина.

Не сидитъ на одномъ мѣстѣ Вас. И. Перовичу-Данченкѣ, котораго вы можете трѣпать и на римскомъ Корсо, и на Пра-рѣ въ Вѣнѣ, и на Итальянскомъ бульварѣ въ Парижѣ, и на Невскомъ...

Много путешествуютъ А. Чеховъ и Пота-нко.

Но едва-ли не больше всѣхъ исколесилъ ксио Максимъ Горькій, пѣвецъ голытьбы и „выжившихъ людей“, которыхъ толкаетъ въ родовъ на волю не столько нужда, сколько расъ къ скитаньямъ.

Сидитъ человекъ за конторкою или при-нкомъ, да жѣлозъ прикидываетъ, сколько ну барыша дѣло принесло, и вдругъ, глаза проко раскроетъ, словно что-то вспомнитъ, жметъ волосами—и поидетъ...

— Куда?—удивляются близкіе, увидавъ искіе сапоги, сермягу, котомку, котелокъ ия воды.

— На волю хочу... куда глаза глядятъ... рошайте!

Кого толкаетъ избытокъ силы, кого жаждя духовнаго возрожденія.

У меня былъ знакомый любитель драмати-ческаго искусства, изъ гусаръ, Д., молодой че-вѣкъ, даровитый, со средствами.

Былъ онъ большой мастеръ по части куте-ей, ужъль штъ какъ никто и похощеніямъ го не было счета.

То онъ въ актрису влюбится и ради нея ажется антрепреню, на которую истратитъ косякъ шестьдесятъ, то напросится въ труппу, о черезъ недѣлю со всѣми переселится, анется и выкинетъ такое колѣно, что весь ородъ ахнетъ, то онъ затѣетъ... кирпичный заводъ.

Наконецъ, случайно подвернулся ему ка-ой-то босакъ.

Д. подомель къ босаку единственно съ дѣлю дать ему гривенникъ, а кончилось дѣло тѣмъ, что завелъ его въ трактиръ, пр-ьянствовалъ съ нимъ, да еще съ двумя дру-ими „бывшими людьми“ недѣлю—и ушелъ въ этой компаніи.

Начатый заводъ бросилъ, содержанку, ло-падей, прѣтелей и растворился въ народѣ етъ всякаго остатка и навсегда.

Какъ видите, копія тургеневскаго Миши Юлтева въ разсказѣ „Отчаянный“.

Мнѣ вспоминался нашъ „непосѣдъ“ при теніи телеграммы о смерти М. И. Венюкова, послѣдовавшей, какъ выражаются въ некро-логѣ, въ Парижѣ.

Венюковъ былъ не только географъ и путе-пественникъ, но и литераторъ, и потому имѣетъ естественно, что онъ умеръ на боль-ничной койкѣ.

Однако, какъ жестоко поглумилась судьба надъ человѣкомъ, который всю жизнь про-елъ въ неутомимой работѣ.

Исходять, изъѣздить чуть-ли не весь міръ, любить и на Амурѣ, и въ Японіи, и въ Гувасѣ, и на Антильскихъ островахъ, и въ Калабрийской области,—и въ награду за вой подвѣтъ получить разрѣшеніе закрыть глаза въ больницѣ, среди чужихъ людей...

„Тяжело умирать, хорошо умереть“.

Сколько слезъ намотался этотъ дарови-тый ученый прежде, тѣмъ дойти до койки какія страданія пришлось ему безропотно вынести...

Мы хорошо знаемъ, какъ живетъ чуже-земцу въ Франціи, въ особенности русскому человѣку, вынужденному добывать себѣ тру-домъ насущный хлѣбъ.

Тамъ неслало Венюковыхъ,—хотя не всѣмъ суждено умирать при столь трагической обста-новкѣ.

Все-таки, я спрашиваю себя: что-ли дѣлаетъ русская колонія въ Парижѣ? Видѣ тамъ болѣе тридцати тысячъ рус-скихъ. Существуютъ даже русскія кух-истерскія, читальни. Нѣсколько разъ въ году русская колонія устраиваетъ благотвори-тельные концерты и балы, на которыхъ дамы-патронессы щеколяютъ своими декольтъ и чисто-парижскимъ произношеніемъ.

Неужели никто не знаетъ о томъ, что та-лантливыи ученый голодаетъ,—болѣе того—нуждается въ десяти су на хлѣбъство...

Ужасно!

Пчела.

День за день.

Въ Парижѣ, съ открытій воротомъ,
Съ обожженной головой
Медленно прохаживать горономъ
Дядя Власть, старикъ сѣдой.

Этотъ Власть рисуетъ моему взору каждый разъ, когда я думаю о неосѣдливости рус-скаго человѣка.

Можно сказать смѣло, что ни въ одномъ народѣ такъ не развита страсть къ путеше-ствію, т. е. къ путешествіямъ пѣшкомъ, какъ у насъ.

Можетъ быть, это объясняется обширностью Руси-матушки и особымъ складомъ русской жизни, ея раздольемъ, ея лѣсами, тайгами, пурами, степями, ея рѣками, разнныи конѣ, но образному выраженію поэта, „подобны морямъ“, — не знаю. Но фактъ налицо: путешественники-пѣшеходы у насъ насчитыва-ются сотнями, а сколько народу совершаетъ ежегодно паломничество въ монастыри, къ свя-тымъ мѣстамъ, это даже и представить себѣ трудно. Иной съ малыхъ лѣтъ мечтаетъ о путеше-ствіи, съ жадностью перечитываетъ приключенія Робинзона и переживаетъ вмѣстѣ со своими героями вѣческие ужасы, дѣйствительные и воображаемые. Жюль Вернъ, де-Фо, авторъ „Пола и Виргиніи“ до сихъ поръ читаются нарасхватъ юношествомъ. Въ библиотекѣхъ и читальняхъ отдѣлъ путешествій самый ходкій...

Немало путешественниковъ среди русскихъ писателей. Назовемъ нѣкоторыхъ...

Знаменитый этнографъ и знатокъ народ-наго быта Якушкинъ всю жизнь провелъ въ дорогѣ.

Вѣчно путешествовать Пушкинъ, Лермон-товъ, Гоголь, словно какой-то бесъ гонитъ ихъ съ одного мѣста на другое.

Авторъ „Демона“ даже сравниваетъ себя съ небесными тучами, „блуждающими страни-цами“.